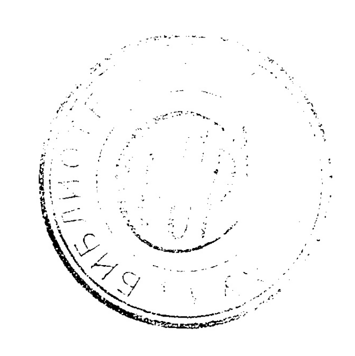
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

№ 12

1935

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ПОСТОЯННЫЕ СОТРУДНИКИ НАШИХ ЖУРНАЛОВ

И. Р. Бехер, О. Биха, В. Бредель, Брехт, Э. Вайнерт, Ф. Вайскопф, Витфогель, Ф. Вольф, А. Габор, Э. Гинкель, О. М. Граф, М. Грестхеннер, К. Грюнберг, К. Нейкранц, Э. Оттвальт, Т. Пливье, Э. Пискатор, Л. Ренн, К. Клебер, А. Курелла, Б. Ласк, Г. Мархвица, Г. Егер, А. Зегерс, Э. Э. Киш, Л. Турек, А. Шаррер (Германия);

Ш. Андерсон, М. Голд, Дж. Дос-Пассос, Т. Драйзер, Дж. Калар, У. Кармон, Дж. Стил, Дж. Кьюниц, Синклер, Льюис, Л. Лозовик, М. Пэйдж, У. Синклер, А. Смэлли, У. Фрэнк, Дж. Фримэн, У. Чемберс, Л. Хьюз (Америка);

Л. Арагон, А. Барбюс, Ж. Р. Блок, П. Вайян-Кутюрье, А. Жид, Ж. Жионо, А. Мальро, Л. Муссинак, П. Низан, Ромэн Роллан, Ж. Садуль, Ж. Фревиль (Франция);

А. Барта, Ш. Гергель, А. Гидаш, Б. Иллешь, Л. Киш, В. Камьят, Г. Лукач, Э. Мадарас, Я. Матейка (Венгрия);

Иеф Ласт, Герард, Фантер (Голландия);

П. Илемницкий. Ст. К. Нейман, Л. Новомесский (Чехословакия);

П. Шнур, Ф. Яничек (Австрия);

В. Броневский, А. Ват, Ст. Выгодский, Ю. Грот, С. Людкевич, Ст. Р. Станде, Б. Ясенский (Польша);

Дж. Джерманетто, Росси (Италия);

Р. Альберти, Х. Ардериус, С. М. Арконада, С. Вальехо, М. Т. Леон, Р. Х. Сендер (Испания);

Ч. Ашли, А. П. Ролей, Г. Хэзлоп, Б. Шоу, Дж. Стрэчи, А. В. Эллис (Англия);

Энер Томасен, З. Лунд, М. А. Нексе (Дания);

Йокум, Л. Лайценс, Я. Эйдук (Латвия);

Го Ма-жо, Лу Син, Мао Дунь, Эми Сяо, Тянь Хань, Фин Сефун, Хуа Хань, Цянь Синцунь, Чжоу Цин, Шен Туасянь (Китай);

О. Брандоу (Бразилия);

Хосе Мансисидор (Мексика);

И. Анисимов, И. Бабель, Билль-Белоцерковский, О. Брик, Е. Габрилович, Е. Гальперина, Ф. Гладков, Глебов, А. Дейч, С. Динамов, А. Запровская, К. Зелинский, А. Елистратова, Вс. Иванов, М. Ильин, И. Ильф, А. Исбах, И. Кашкин, М. Кольцов, В. Киршон, В. Катаев, Л. Кассиль, Ф. Кельин, Лахути, М. Левидов, Л. Леонов, В. Лидин, Д. Мирский, Я. Металлов, И. Микитенко, И. Нусинов, Н. Огнев, К. Паустовский, Е. Петров, Б. Пильняк, Пранскус, А. Селивановский, И. Сельвинский, В. Ставский, Н. Тихонов, С. Третьяков, А. Фадеев, М. Шагинян, Ф. Шиллер, В. Шкловский, М. Д. Эйхенгольц, И. Эренбург, Н. Эйшискина (СССР).

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ

РЕПОРТАЖ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОШЛОГО

ТЕОРИЯ И КРИТИКА

БИБЛИОГРАФИЯ

ФАКТЫ И ДОКУМЕНТЫ

Что ж, синьоры, вход свободный
Этим, тем и снова этим,
Только после не пришлось бы
Плакать нам, как малым детям.

Что ж не входит публика?
Всем свободный вход.
Что это — республика,
Иль базарный сброд?

Перевод с испанского Ф. В. Кельина

Публикуемые нами стихи популярного в Испании поэта-сатирика Луиса де Тапия были напечатаны им в дни, непосредственно последовавшие за апрельским переворотом 1931 года, в леворадикальной мадридской газете «Ля либертад», постоянным стихотворным обозревателем которой он тогда был. Позднее эти стихи вместе с некоторыми другими были выпущены Луисом де Тапия отдельной книжкой. В газете они печатались под общим заголовком «Строфы на злобу дня» («Coplas de dia») и составляли часть той кампании, которую в течение ряда лет вел Луис де Тапия вместе с другими республиканцами против клерикально-феодальной Испании Альфонса XIII.

Тем более характерен иронический тон стихотворения «Вход для всех», показывающий, что уже в апреле 1931 года, т. е. в момент самого переворота, лучшая часть испанской интеллигенции понимала, что республиканский строй в Испании не изменил положения, а только явился замаскированной формой и продолжением той же монархии.

Луис де Тапия родился в Мадриде в 1871 году. Литературный псевдоним — «Давид». Был редактором ряда журналов (в том числе «Нуэво мундо» — 1903 г. и «Эль-импарсиаль» — 1916 г.). Позднее входил в состав редакции «Ла либертад». Является крупнейшим сатирическим поэтом Испании. Его «Строфы» — («Coplas») — стихотворная летопись политических событий в Испании за последние 30 лет. Избранный в депутаты кортеса первого созыва, занял в них независимую позицию на левом крыле. Состоял членом мадридской ассоциации «Друзей Советской России».

нет стр. в БАН

+45

аккуратно поставил свой черный цилиндр на левое колено и, придерживая его за поля, набожно склонил голову.

Прислужник появился в дверях, неся наполненное чем-то медное ведерко. Священник вошел вслед за ним, одной рукой приглаживая орарь, другой поддерживая на жабьем животе маленькую книжку. Кто прочтет вслух? Я, встал петух.

Они остановились у гроба и священник быстро заквакал по своей книжке.

Отец Грабб. Я помнил, что похоже на гроб. Dominenamine. Наглая рожа. Заправляет спектаклем. Мускулистый христианин. Горе тому, кто посмотрит на него косо: священнослужитель. И наречется тебе имя Петр. Лопнет по всем швам, как овца обожравшаяся клевером, Дедалус про него говорит. Брюхо, как у отравленного щенка. Забавные вещи говорит этот человек. Х-х-хн: по всем швам.

— Non intres in judicium cum servo tio, Domine[1].

Чувствуют себя более значительными, когда о них молятся по-латыни. Реквием. Креповые плерезы. Почтовая бумага с траурной каемкой. Запишут на вечное поминание. Холодно здесь. Должен как следует наедаться, сидит тут все утро в полутьме. томится, ждет когда прибудет следующий, будьте любезны. И глаза как у жабы. Почему это его так пучит? Молли пучит от капусты. Воздух что ли здесь такой. Должно быть полно газов. Здесь, небось, этих газов чортова пропасть. Мясники например становятся как сырой бифштекс. Кто это мне рассказывал? Мервин Браун. В склепах у св. Уерборо, чудесный старый орган полтораста лет, приходится время от времени буравить дыры в гробах, выпускать газы и потом поджигать. Вихрем оттуда: голубое. Дыхнуть разок и спета твоя песенка.

Коленная чашечка заболела. Ох. Вот так.

Священник вынул из ведерка, которое держал мальчик, палочку с шишкой на конце и покропил ею над гробом. Потом он зашел с другого конца и снова покропил. Потом он вернулся на прежнее место и положил ее назад в ведерко. Каким ты был до твоего успокоения. Все это в книжке написано: так он и должен делать.

— Et ne nos inducas in tentationem[1].

Служка дискантом выводил ответы. Я часто думал, что лучше всего брать в слуги мальчиков. Лет до пятнадцати, скажем. Старше, конечно...

Святая вода, наверное. Кропит оттуда сном. Опротивело ему это занятие, должно быть, кропить этой штукой всех мертвецов, которых сюда свозят. А почему бы ему не видеть то, над чем он кропит. Каждый божий день новая партия: пожилые мужчины, старухи, дети, женщины, умершие от родов, бородатые мужчины, лысые дельцы, чахоточные девушки с узкой цыплячьей грудью. Круглый год бормочет над ними одно и то же, а потом попрыскает их сверху водичкой: спите. Теперь над Дигнэмом.

— In paradisium[2].

Сказал, что он будет в раю, или уже в раю. Говорит это над каждым. Скучное занятие. Но надо же ему что-нибудь говорить.

Священник закрыл книгу и ушел, сопровождаемый служкой. Корни Келлехер распахнул боковую дверь, могильщики вошли, снова подняли гроб, вынесли его и поставили на тележку. Корни Келлехер дал один венок мальчику, другой шурину. Все вышли следом за ним через боковую дверь на мягкий, серенький воздух. Мистер Блум вышел последним, засовывая сложенную газету опять в карман. Он сосредоточенно смотрел себе под ноги, пока тележка с гробом не завернула налево. Железные колеса вгрызались в гравий, громко взвизгивая, и несколько пар больших башмаков шли за тележкой вдоль склепов.

Та-ри тара, та-ри та-ра та-ру. Господи, что это я распелся здесь.

— Ряд О'Коннела, сказал мистер Дедалус возле него.

Мягкие глаза мистера Пауэра посмотрели на верхушку высокого обелиска.

— Он обрел покой, старик Дэн О', сказал он; окруженный своим народом

---

[1] Да не войдешь в суд с рабом твоим, господи. (лат).

[1] И не введи нас во искушение (лат.).
[2] В раю (лат.).

Но сердце его похоронено в Риме. Сколько разбитых сердец похоронено здесь, Саймон!

— Вон там ее могила, Джэк, сказал мистер Дедалус. Скоро и я лягу рядом с ней. Пусть господь призовет меня, когда на то будет его воля.

Растроганный, он стал тихонько плакать про себя, слегка спотыкаясь на ходу. Мистер Пауэр взял его под руку.

— Ей лучше там, мягко сказал он.

— Наверное, сказал мистер Дедалус слабо всхлипнув. Она на небесах, наверное, если только есть небеса.

Корни Келлехер шагнул в сторону и пропустил мимо себя провожающих.

— Вот где привелось встретиться, вежливо начал мистер Кернен.

Мистер Блум закрыл глаза и дважды грустно склонил голову.

— Все надевают шляпы, сказал мистер Кернен. По-моему нам тоже можно. Мы с вами последние. Это кладбище — предательское место.

Они надели цилиндры.

— Его преподобие что-то уж очень быстро отбарабанил службу, не правда ли? укоризненно сказал мистер Кернен.

Мистер Блум кивнул, серьезно взглянув в быстрые, налитые кровью глаза. Скрытные глаза, скрытные, пытливые глаза. Масон, я думаю: не уверен. Опять рядом с ним. Мы с вами последние. В одной упряжке. Надеюсь, он скажет что-нибудь еще.

Мистер Кернен добавил:

— Служба ирландской церкви, как ка Маунт Джером, проще, внушительнее, я бы сказал.

Мистер Блум осторожно согласился. Конечно, язык много значит.

Мистер Кернен торжественно сказал:

— Я есмь воскресение и жизнь. Это проникает в самые глубины человеческого сердца.

— Верно, сказал мистер Блум.

Твоего сердца, может быть, а на кой чорт это бедняге, сыгравшему в ящик шесть футов на два? Туда не проникнет. Седалище страстей. Разбитое сердце. Насос только и всего, перекачивает тысячи галонов крови в день. А в один прекрасный день застопорило и здравствуйте пожалуйста. Сколько их лежит здесь: легких, сердец, печонок. Старые ржавые насосы: и ни черта больше. Воскресение и жизнь. Умер, так умер. Придумали еще этот страшный суд. Вышибают всех из могил. Лазарь, тебе говорю: иди вон! Лазарь и вышел вон и остался без места. Встаньте! Страшный суд! И все, как один, копошатся, собирают свои печенки и легкие и прочие потроха. Изволь тут все разыскать в такое утро. 0,05 унций порошка в черепе. Двенадцать граммов ноль целых пять сотых унций. Тройский вес.

Корни Келлехер зашагал в ногу с ними рядом.

— Все сошло блестяще, сказал он. А? Он посмотрел на них своими тягучими глазами. Плечи, как у полицейского. Со своим тра-ля-ля, тра-ля-ля.

— Как и подобает, сказал мистер Кернен.

— А? Что? сказал Корни Келлехер.

Мистер Кернен успокоил его.

— Кто этот суб'ект позади с Томом Керненом? спросил Джон Хенри Ментон. Знакомое лицо.

Нэд Ламберт оглянулся.

— Блум, сказал он. Мадам Марион Твиди, помните. Была такая певица, собственно она и сейчас поет, сопрано. Это его жена.

— А-а, как же, как же, сказал Джон Хенри Ментон. Давно я ее не видел. Я танцовал с ней, позвольте, годков пятнадцать-семнадцать тому назад у Мэта Диллона в Раундтауне. Было за что подержаться.

Он посмотрел назад через плечи своих спутников.

— А кто он такой? спросил он. Чем он занимается? Кажется был комивояжером писчебумажной фирмы? Припоминаю, я как-то поссорился с ним за игрой в шары.

Нэд Ламберт улыбнулся.

— Да, верно, сказал он, в «Мудрости» Хелли. Раз'езжал с промокашками.

— Господи, твоя воля, сказал Джон Хенри Ментон, с чего это она вышла за такого мозгляка? Ведь с огоньком была бабенка.

— И сейчас такая, сказал Нэд Ламберт. Он агент по сбору об'явлений.

Большие глаза Джона Хенри Ментона смотрели прямо перед собой.

Тележка свернула на боковую аллею. Дородный человек, стоявший среди могил, почтительно снял шляпу. Могильщики дотронулись до своих фуражек.

— Джон О'Коннел, сказал мистер Пауэр, довольный. Никогда не забудет друга.

Мистер О'Коннел молча пожал всем руки. Мистер Дедалус сказал:

— Вот я опять к вам пожаловал.

— Дорогой Саймон, низким голосом ответил смотритель кладбища. Я бы не хотел иметь вас своим клиентом.

Поклонившись Нэду Ламберту и Джону Хенри Ментону, он пошел рядом с Мартином Каннингхэмом, пальцами перебирая за спиной два ключа.

— Вы слышали эту историю, спросил он их, про Малкэи из Кума?

— Нет, не слышал, сказал Мартин Каннингхэм. Все дружно наклонили к нему цилиндры, Хайнз подставил ухо. Смотритель зацепил большими пальцами кольца золотой цепочки от часов и заговорил сдержанным тоном, обращаясь к их безразличным улыбкам.

— Рассказывают, сказал он, что двое пьянчужек пришли сюда как-то в туманный вечер разыскать могилу своего приятеля. Они спросили Малкэи из Кума и им сказали, где он похоронен. Проблуждав некоторое время в тумане, они наконец нашли могилу. Один коекак прочел надпись: Теренс Малкэи. Другой в это время разглядывал статую спасителя, которую вдова поставила на могиле.

Смотритель сощурился на могилу, мимо которой они проходили. Он продолжал.

— Сощурил глаза на фигуру Христа. *Чорта с два — похоже, говорит, это не Малкэи,* говорит, *не знаю, какой болван это делал.*

Вознагражденный улыбками, он отстал от них и заговорил с Корни Келлехером, принимая от того бумаги, перелистывая их, пробегая глазами на ходу.

— Это он с намерением, об'яснил Хайнзу Мартин Каннингхэм.

— Знаю, сказал Хайнз, я знаю.

— Подбодрить человека, сказал Мартин Каннингхэм, из добрых чувств: только и всего.

Мистер Блум любовался внушительной осанкой смотрителя. Все стараются поддерживать с ним хорошие отношения. Добрый малый Джон О'Коннел, прекрасный человек. Ключи: как об'явление фирмы Ключтей: гарантируем, что никто отсюда не выйдет, пропуска на выход не выдаются. Habeat corpus[1]. Надо будет зайти насчет этого об'явления после похорон. Написал я Болзбридж на конверте, которым прикрыл письмо к Марте, когда она застала меня? Надеюсь, не затеряется в отделе невостребованной корреспонденции. Не мешало бы побриться. Борода седеет. Первый сигнал, когда волосы начинают седеть у корней и характер портится. Блещут нити серебра. Каково быть его женой. Удивляюсь, как у него хватило нахальства сделать предложение. Давай будем жить на кладбище. Поманить ее этим. Сначала могло показаться увлекательным. Смерть-поклонник... Ночные тени реют, а вокруг столько мертвецов. Тени могил, когда погосты разевают пасть и Дэниел О'Коннел, должно быть, потомок, кто это мне рассказывал, он был на редкость плодовитый, к тому же ярый католик, точно огромный великан во тьме. Блуждающий огонек. Могильные газы. Отвлечь ее мысли, а то не сможет зачать. Женщины народ впечатлительный. Рассказать ей историю с привидениями на сон грядущий. Ты видела когда-нибудь привидение? А я видел. Ночь была темная, хоть глаз выколи. На башенных часах пробило полночь. Ничего — целуются, если их настроить как надо. Шлюхи на турецких кладбищах. Научатся всему, если попадут в хорошие руки смолоду. Можно было бы подцепить здесь молоденькую вдовушку. Мужчинам это нравится. Любовь среди могильных плит. Ромео. Острей удовольствие. В царстве смерти мы живые. Крайности сходятся. Муки Тантала бедным мертвецам. Запах бифштекса голодным, гложущим свои внутренности. Желание подразнить. Молли, которой хотелось проделать это у окна. Восемь человек детей у него все-таки.

Немало их тут зарыли при нем, лежат вокруг него поле за полем. Священные поля. Больше бы места оставалось, если бы хоронили стоя. Сидя или на коленях нельзя. Стоя? Его голова вылезет

[1] Имеет тело (лат.).

как-нибудь наружу при оползне, рука, простертая ввысь. Земля должна быть как соты: продолговатые ячейки. А чистенько у него здесь, газоны, дерн. Мой садик майор Гэмбл называет Маунт Джером. Что ж, так оно и есть. Надо бы цветы сна. Китайские кладбища с гигантскими маками, дают самый лучший опиум, Мастянский мне говорил. Ботанический сад тут неподалеку. Это кровь, впитывающаяся в землю, рождает новую жизнь. На каждого своя цена. Хорошо сохранившийся жирный труп джентльмена, эпикурейца, незаменимо для фруктовых садов. Выгодная сделка. За останки покойного Уильяма Уилкинтона, инспектора и бухгалтера, недавно скончавшегося, три фунта тринадцать шиллингов шесть пенсов. С благодарностью...

Наверное почва становится жирной от удобрения трупами, кости, мясо, ногти, общие могилы. Ужасно. Зеленеют и розовеют, разлагаясь. Быстро гниют во влажной почве. Тощие старики крепче. Потом вроде как сало, вроде как сыр. Потом начинают чернеть, патока сочится из них. Потом высыхают. Бабочка мертвая голова. Конечно, клетки или как их там, продолжают жить. Меняются. Живут вечно, в сущности. Нечем питаться, питаются сами собой.

Но здесь должно быть чортова уйма червей. Кишат тут кругом, во всех этих ямах. В ямочках щечки, кудряшки. Вихрем крюжатся милашки. Он довольно жизнерадостно ко всему этому относится. Испытывает ощущение своей силы, глядя как другие отправляются на тот свет раньше его. Интересно, как он смотрит на жизнь. Анекдоты рассказывает: согревают ему сердце. Например про сводку. Спарджон отбыл в рай сегодня в 4 ч. утра. 11 ч. вечера (ворота закрываются). Еще не прибыл. Петр. Мертвецы сами, мужчины по крайней мере, не прочь бы услышать свежий анекдот, а женщины узнать, что теперь носят. Сочная груша или дамский пунш, горячий, крепкий и сладкий. Предохраняет от сырости. Надо же иногда посмеяться, уж лучше так. Могильщики в Гамлете. Показывает глубокое знание человеческого сердца. Нельзя смеяться над покойниками года два по крайней мере. De mortuis nil nisi prius[1]. Пусть траур кончится. Трудно представить себе его похороны. На анекдот похоже. Если прочесть извещение о собственной смерти, говорят, будешь дольше жить. Дух перевести. Возобновить контракт на жизнь.

— Сколько у вас на завтра? спросил смотритель.

— Двое, сказал Корни Келлехер. Половина одиннадцатого и одиннадцать.

Смотритель положил бумаги в карман. Тележка перестала катиться. Провожающие разделились и подошли с двух сторон к яме, осторожно обходя могилы. Могильщики поднесли гроб и поставили его головой на край ямы, продернув снизу лямки.

Хороним его. Мы Цезаря пришли похоронить. Его иды марта или июня. Он не знает, кто сейчас здесь, ему все равно.

Ну кто же этот долговязый там в макинтоше? Ну, кто же это такой? Ну, все бы отдал, чтобы узнать. Всегда кто-нибудь такой выскочит, кто никогда и во сне не снился. Человек может прожить один одинешенек всю жизнь. Да, может. И все-таки кто-нибудь должен закопать его в могилу, хоть вырыть ее он и сам бы смог. Все мы так делаем. Только человек хоронит своих мертвецов. Нет, еще муравьи. Первое, что приходит в голову каждому. Похоронить мертвеца. Говорят, Робинзон Крузо жил на самом деле. Ну, Пятница и похоронил его. Каждая Пятница хоронит свой Четверг, если уж на то пошло.

Ах, бедный Робинзон Крузо,
Зачем вам такая обуза?

Бедняга Дигнэм! Последний раз лежит на земле в своем ящике. Как подумаешь о них обо всех, сколько же на это дерева уходит. Все сгрызают. Можно было бы изобрести изящный катафалк с выдвижной доской и спускать их таким образом. Да, но пожалуй, не захотят, чтобы хоронили в том, что уже было в употреблении. Народ привередливый. В родной земле меня заройте. Щепотка праха из святой земли. Только мать и мертворожденного ребенка всегда хоронят в одном гробу. Я понимаю, в чем тут дело. Понимаю. Защи-

[1] О мертвых ничего кроме того, что было (лат.).

щать его как можно дольше даже в земле. Дом ирландца — это его гроб. Набальзамированные трупы в катакомбах, мумии, та же мысль.

Мистер Блум стоял далеко позади с цилиндром в руках, считая обнаженные головы. Двенадцать. Я тринадцатый. Нет. Этот суб'ект в макинтоше тринадцатый. Число смерти. Откуда он выскочил, чорт его знает? В часовне его не было, даю голову на отсечение. Глупейший предрассудок насчет тринадцати.

У Нэда Ламберта костюм из хорошей мягкой шерсти. Лиловатый оттенок. У меня был вроде этого, когда мы жили на Ломбард-стрит Уэст. Он щеголем был когда-то. Переодевался по три раза в день. Надо отдать перелицевать мой серый костюм Мессии. Здравствуйте. Он у него крашеный. Хоть бы жена, или нет, он не женат, квартирная хозяйка позаботилась выпороть эти нитки.

Гроб нырнул в яму, опущенный могильщиками, раскорячившимися на перекладинах. Они выпрямились, отошли: обнажили головы. Двадцать.

Пауза.

Если бы каждый из нас превратился в кого-нибудь другого.

Где-то далеко закричал осел. К дождю. Не такой уж он осел. Говорят, никто не видел дохлого. Стыдятся смерти. Прячутся. Бедный папа тоже уехал.

Легкий нежный ветер овеял обнаженные головы шепотом. Шепот. Мальчик у изголовья могилы держал венок обеими руками, спокойно глядя в зияющий черный провал. Мистер Блум стал за спиной дородного доброго смотрителя. Хорошо сшитый сюртук. Взвешивает в уме, должно быть, кто следующий. Что ж, долгий покой. Ничего не чувствовать. Только одно это мгновение и чувствуешь. Ужасно противно должно быть. Сначала не веришь. Ошибка, должно быть: кто-нибудь другой. Справьтесь в доме напротив. Подождите, я хотел. Я еще не. Потом полутемная комната умирающего. А им света нужно. Шепчутся вокруг. Не позвать ли тебе священника? Потом бормотанье, забытье. В бреду все, что таил всю свою жизнь. Агония. У него сон неестественный. Оттяни нижнее веко. Смотрят, не заострился ли нос, не отвисает ли челюсть, не пожелтели ли подошвы ног. Уберите подушку и кончайте все это на полу, раз уж он обречен. Дьявол на той картинке смерть грешника показывающий ему женщину. В одной рубашке рвется обнять ее. Заключительная сцена в Лючии. *Ужель в последний раз с тобою?* Бац! отходит. Умер наконец. Некоторое время о тебе говорят, потом забывают. Не забывай помолиться о нем. Помяни его в своих молитвах. Даже Парнелла. День плюща отходит в область преданий. Потом за ним следом: падают в яму один за другим.

Мы молимся сейчас за упокой его души. Надеемся, вам хорошо сегодня и вы не в преисподней. Приятная перемена климата. Из огня жизни в полымя чистилища.

Думает он когда-нибудь, что и его ждет яма. Говорят, от этого вздрагиваешь на солнцепеке. Кто-то проходит по моей могиле. Ваш выход. Совсем рядом. Моя там ближе к Фингласу, купил место. Мама, бедная мама и маленький Руди.

Могильщики взялись за лопаты и стали бросать тяжелые комья глины на гроб. Мистер Блум отвернулся. А что, если он еще жив? Ух, ты! Вот было бы ужасно! Нет, нет: он мертв, конечно. Конечно, он мертв. В понедельник умер. Надо бы издать такой закон, пускай прокалывают сердце, чтобы удостовериться, или электрический звонок или телефон в гробу и какую-нибудь отдушину, затянутую парусиной. Сигнал бедствия. Три дня. Многовато по летнему времени. Лучше уж отделаться сразу, как только убедишься, что нет.

Глина падала мягче. Начинает исчезать из памяти. С глаз долой, из сердца вон.

Смотритель отошел в сторону на несколько шагов и надел цилиндр. Хватит. Провожающие один за другим согнали с лиц печаль, незаметно надели шляпы. Мистер Блум надел цилиндр и увидел, как дородная фигура пробирается сквозь лабиринт могил. Спокойно, уверенно ступая, проходил он полями скорби.

Хайнз, строчащий что-то в блокноте. А-а, фамилии. Но ведь он всех знает. Нет: идет ко мне.

— Я записываю присутствующих, ска-

зал Хайнз вполголоса. Как ваше имя? Я что-то забыл.

— Л, сказал мистер Блум. Леопольд. И запишите кстати Мак-Коя. Он просил меня об этом.

— Чарли, сказал Хайнз, записывая. Знаю. Он когда-то работал в «Фримэне».

Да, верно, до того как устроился в морге к Луису Берну. Не плохо придумано для врачей—вскрытие. Ищут чего-то, думают, что понимают. Он умер от во вторник. Получил расчет. Собрал за об'явления и смылся. Чарли, ты мой красавчик. Поэтому он меня и попросил. Ну что ж, мне не трудно. Я не забыл, Мак-Кой. Спасибо, дружище: премного обязан. Пусть чувствует себя обязанным, а мне ничего не стоит.

— И будьте так любезны, сказал Хайнз, кто этот человек, на нем был, он стоял вон там, на нем был...

Он оглянулся по сторонам.

— Макинтош. Да, я видел, сказал мистер Блум. Куда он делся?

— Мак-Интош, — сказал Хайнз, торопливо записывая. Не знаю, кто он такой. Значит, Мак-Интош?

Он отошел, оглядываясь по сторонам.

— Нет, начал было мистер Блум, повернувшись на месте. Послушайте, Хайнз. Не слышал. Что такое? Куда он делся? И след простыл. Вот так история. Кто видел здесь? Ка е два эл. Испарился. Господи, куда он провалился?

Седьмой могильщик подошел к мистеру Блуму подобрать брошенную лопату.

— Простите, пожалуйста!

Он проворно шагнул в сторону.

Глина бурая, влажная уже виднелась в яме. Растет. Почти до краев. Холмик из влажных комьев рос все выше, рос, и могильщики опустили лопаты. Все снова обнажили головы на несколько секунд. Мальчик прислонил свой венок к одному из углов; шурин свой — к кучке земли. Могильщики надели фуражки и понесли залепленные землей лопаты к тележке. Потом слегка постучали лезвиями о дерн: чисто. Один нагнулся снять с черенка длинный пучок травы. Один, оставив товарищей, медленно пошел, оружие на плече, лезвие синесияет. Молча у изголовья могилы другой сматывал веревку. Его пуповина. Шурин, отвернувшись, положил что-то в его свободную руку. Благодарит. Молча. Не извольте беспокоиться, сэр. Кивок. Я знаю, как. Это вам за труды.

Провожающие расходились медленно, бесцельно, не выбирая дорожек, по пути останавливались прочесть имя на могиле.

— Давайте пойдем с той стороны мимо могилы Парнелла, сказал Хайнз. У нас еще есть время.

— Давайте, сказал мистер Пауэр.

Они свернули направо, следуя за своими медленными мыслями. С благоговением тусклый голос мистера Пауэра сказал:

— Некоторые уверяют, что его нет в этой могиле. Что в гроб наложили камней. Что когда-нибудь он вернется.

Хайнз покачал головой.

— Парнелл никогда не вернется, сказал он. Он здесь, здесь все, что было в нем бренного. Мир праху его.

Мистер Блум шел, никем не замечаемый, по аллее, мимо опечаленных ангелов, крестов, обломков колонн, фамильных склепов, каменных надежд, молящихся возведши очи горе, мимо рук и сердец старой Ирландии. Гораздо разумней было бы пожертвовать деньги на что-нибудь благотворительное для живых. Молитесь за упокой души. Неужели кто-нибудь в самом деле? Зарыли и дело с концом. Спускать по желобу, как уголь. И всех их в одну кучу, чтобы с'экономить время. День всех усопших. Двадцать седьмого я буду у него на могиле. Десять шиллингов садовнику. Следит, чтобы не зарастала сорной травой. Сам уже старик. Согнулся вдвое, ходит чикает ножницами. У врат смерти. Скончавшийся. Ушедший в иной мир. Как будто они сделали это по собственному желанию. Выставили всех до одного. Сыгравший в ящик. Гораздо интереснее, если бы рассказали, кем они были при жизни. Такой-то, колесник. Я был комивояжер по линолеуму. Я платил кредиторам пять шиллингов за фунт. Или могила женщины с кастрюлей. Я хорошо готовила тушеное мясо. Как в Эклоге на сельском кладбище, чье это стихотворение Уордсворта или Томаса Кэмбелла. Нашел успокоение, как говорят протестанты. Могила старика Маррена, доктора. Великий лекарь призвал его к себе. Да, для них это божья нива.

Уютная загородная вилла. Заново отштукатурена и покрашена. Идеальный уголок спокойно покуривать трубку и почитать «Церковный Вестник». Извещения о бракосочетании никогда не прикрашивают. Ржавые венки на прутьях ограды, гирлянды из бронзовой фольги. По крайней мере денег не жалко. А все-таки живые цветы гораздо поэтичнее. Металлические ужасно надоедливо, никогда не вянут. Ничего не выражают. Бессмертники.

Птица невозмутимо сидела на ветке тополя. Похожа на чучело. Похожа на свадебный подарок, который поднес нам олдермэн Хукер. Кш. Хоть бы шевельнулась. Знает, что из рогатки по ней стрелять не будут. На мертвых животных еще грустнее смотреть. Милая Милли хоронит мертвую птичку в спичечном коробке с кухни, гирлянда магариток и обрывки разорванной гирлянды на могиле.

Сердце Христово на виду. Выставил всем на показ. Надо бы посадить его на груди сбоку и выкрасить красным, чтобы как настоящее сердце. Ирландия была ему посвящена, или как там это называется. Кажется не очень ему приятно. За что такое поношение? Будут птицы слетаться и клевать, как мальчика с корзиной фруктов, но он сказал нет, потому что они побоятся мальчика. Аполлон, то есть.

Сколько их здесь! А все когда-то разгуливали по Дублину. Верующие, ушедшие в иной мир. Таким, как ты сейчас, были когда-то и мы.

К тому же, всех разве запомнишь? Глаза, походку, голос. Ну, голос еще куда ни шло: граммофон. Поставить граммофон в каждой могиле, можно и на дому держать. После обеда в воскресенье. Поставь старенького прадедушку. Крарaак! Хеллолеллохелло чрчайнорад крарaак чрчайнорадповидатьвсех хеллохелло чрчайн кпщз. Напоминает голос так же, как фотография напоминает лицо. Иначе разве вспомнишь лицо лет через пятнадцать, скажем. Например кого? Например того суб'екта, который умер, когда я работал в «Мудрости» Хели.

Ртстстр! Заскрипел гравий. Стоп.

Он внимательно посмотрел в каменный склеп. Какой-то зверок. Погоди. Вот она.

Тучная серая крыса ковыляла вдоль стены склепа, шурша гравием. Старый пройдоха: прадедушка: все ходы и выходы знает. Серое живое распласталось под плинтусом, протиснулось под ним внутрь. Хороший тайник для сокровищ.

Кто здесь живет? Покоятся останки Роберта Эмери. Роберта Эммета хоронили здесь при свете факелов, так кажется? Ходит дозором.

Вот и хвост ушел.

Такая быстро расправится. Обгложет кости и не посмотрит, с кем имеет дело. Самое обыкновенное мясо для них. Труп — это протухшее мясо. Ну, а что такое сыр? Труп молока. Я читал «Путешествие по Китаю», китайцы говорят, что от белых пахнет трупом. Кремация лучше. Священники и слышать не хотят. Стараются для другой фирмы. Оптовая торговля кремационные и голландские печи. Черная смерть. В ямы, негашеная известь с'едает их. Летальная камера. Прах в прах. Или в море хоронить. Где это находится башня молчания парсов? Птицы с'едают их. Земля, огонь, вода. Утонуть, говорят, приятней всего. Всю свою жизнь видишь за один миг. Зато, когда откачивают,—благодарю покорно. А вот в воздухе не похоронишь. С аэропланов. Интересно, узнают они там, когда спускают новенького. Подземное сообщение. Это они нам сказали. Ну что ж, ничего удивительного. Обычная еда для них. Мухи облепляют, когда еще не успел умереть. Прослышали про Дигнэма. Им наплевать на запах. Белая как соль рассыпчатая кашица трупа: запах, вкус сырой белой брюквы.

Ворота поблескивали впереди: все еще открыты. Назад в мир. Довольно здесь побыли. С каждым разом все ближе. Последний раз я был здесь на похоронах миссис Синико. И бедный папа тоже. Любовь, которая убивает. Даже разрывают землю ночью с фонарем, как в том процессе, я читал, ищут только что похороненных женщин или даже разложившихся, с сочащимися могильными язвами. От таких вещей мороз по коже подирает. Я приду к тебе после смерти. Ты увидишь мой призрак после смерти. Мой призрак будет преследовать тебя после смерти. Существует другой мир после смерти, так называемый ад, или есть еще другое слово: геенна. Я не люблю того другого слова. Да и я тоже.

Еще столько осталось видеть, слышать. чувствовать. Чувствовать рядом с собой живые, теплые, человеческие существа. Пусть их спят в своих червивых постелях. На этот раз не удалось меня заполучить. Теплые постели: теплая, полнокровная жизнь.

Мартин Каннингхэм вышел из боковой аллеи, солидно разговаривая.

Нотариус, кажется. Знакомое лицо. Ментон. Джон Хенри, нотариус, заверяет показания, данные под присягой. Дигнэм когда-то работал у него в конторе. У Мэта Диллона, давным давно. Веселые вечера у доброго старого Мэта. Холодная дичь, сигары, танталовы графинчики[1]. Золотое сердце. Да, Ментон. Рассвирепел в тот вечер на лужайке, когда играли в шары, потому что я угодил прямо в него. Чистая случайность: скат. Почему он так и не взлюбил меня. Ненависть с первого взгляда. Молли и Флои Диллон, под сиренью обнявшись, смеются. Мужчины всегда так, когда при дамах.

Цилиндр продавлен сбоку. В карете, должно быть.

— Простите, сэр, сказал мистер Блум, поровнявшись с ними.

Они остановились.

— У вас цилиндр немного помялся, сказал мистер Блум, показывая.

Джон Хенри Ментон несколько секунд смотрел на него, не двигаясь.

— Вот здесь, помог Мартин Каннингхэм, тоже показывая.

Джон Хенри Ментон снял цилиндр, выправил продавленное место и аккуратно пригладил ворс о рукав пальто. Он снова надел цилиндр.

— Теперь в порядке, сказал Мартин Каннингхэм.

Джон Хенри Ментон ответил коротким кивком.

— Благодарю вас, сказал он сухо. Они пошли к воротам. Мистер Блум, приунывший, отстал на несколько шагов, чтобы не слышать, о чем они говорят. Мартин изрекает истины. Мартин обведет такого простачка вокруг мизинца так, что тот и не заметит.

Глаза, как устрицы. Ну и пусть. После может быть сам пожалеет, когда пораздумает как следует. Хоть на этом отыграюсь.

Благодарю вас. Как мы сегодня великодушны.

[1] Графины, из которых можно налить вино, только зная секрет.

ПРИМЕЧАНИЯ

Шестой эпизод «Улисса» — похороны Патрика Дигнэма. В первой половине эпизода («Интернациональная Литература», № 11) м-р Блум едет с похоронной процессией; вторая половина (в этом номере) развертывается на дублинском католическом кладбище.

Путь от дома Дигнэма до кладбища, расположенного в предместьи Гласневин, к северу от Дублина, проходит через весь город: отсюда — обилие упоминаний улиц, площадей, мостов и пр. в первой части эпизода. Айриштаун и Рингсенд — юго-восточные окраины Дублина. Брунсвик-стрит — одна из главных улиц в южной части города. Далее карета едет по уже упоминавшейся в пятом эпизоде («Интернац. Литература», № 10) О'Коннел-стрит, украшенной памятниками О'Коннелу («Они проехали под статуей Освободителя в широком плаще»), сэру Джону Грэю и Нельсону («колонна Нельсона»), мимо церкви св. Марка, во дворе которой до 1913 г. стояла кафедра («мимо сумрачной кафедры св. Марка»), мимо Ротонды — крупнейшего дублинского зала для публичных собраний и концертов, мимо госпиталя Mater Misericordiae на Экклз-стрит (где живет мистер Блум) и по мосту через Королевский канал. На Королевском канале расположен город Мэллингер, где живет дочь Блума, Милли («можно бы пешком вдоль канала, повидать Милли»). Эннис, где отец м-ра Блума «содержал отель Королевы» — город на западном побережьи Ирландии, в графстве Клэр («мне надо с'ездить в графство Клэр», говорит м-р Блум).

Не меньшее место, чем город Дублин, занимают в шестом эпизоде его обитатели. Некоторые из них (Корни Келлехер, Бойлен) уже известны читателю, другие (высокопарный фразер Том Кернен, певец Бен Доллард, ростовщик Рувим, репортер Хайнз) еще будут фигурировать в последующих эпизодах «Улисса». Многие из них — Каннингхем, Пауэр, Кернен, Хайнз, Галлахер, м-с Синико — появляются у Джойса не впервые: все это — действующие лица рассказов, об'единенных в книге «Дублинцы». Из спутников м-ра Блума особого упоминания заслуживает Саймон Дедалус — отец героя первых трех эпизодов, Стефена («стройного молодого человека в трауре», замеченного мистером Блумом на улице). Слова мистера Дедалуса о брате его покойной жены, матери Стефена («Гулдинговская клика, спившийся адвокатишка и Крисси...»), перекликаются с тем местом во внутреннем монологе Стефена («Интернац. Литература», № 3), где он

вспоминает отзывы отца о том же Гулдинге.

По схеме Ларбо-Гилберта шестой эпизод «Улисса» («Гадес») соответствует XI песне «Одиссеи» — сошествию Улисса в ад; отсюда — дважды возникающий образ Тантала («Муки Тантала бедным мертвецам», «танталовы графинчики»). Центральный образ эпизода — сердце, которое упоминается здесь много раз, в самых различных значениях и комбинациях.

Как и предыдущие два эпизода, шестой эпизод построен на внутреннем монологе м-ра Блума. В его сознании не раз всплывают те же мысли, которые занимали его и раньше: о жене и ее любовнике Бойлене, о дочере Милли, об умершем отце и маленьком, нежившем сыне; мысли о них повторяются особенно настойчиво в связи с основной темой эпизода — смерть, похороны. Литературные ассоциации ограничиваются беглым упоминанием «Эклоги на сельском кладбище» английского поэта Т. Кэмбелла (1777—1844) и двумя цитатами из Шекспира: из—«Юлия Цезаря» («мы Цезаря похоронить пришли» и дальше — «его иды марта или июня»: напомним, что действие происходит 16 июня) и из «Гамлета» («помяни его в своих молитвах»; перед этим м-р Блум вспоминал «могильщиков в Гамлете»); здесь также перекличка с третьим эпизодом, где цитаты из «Гамлета» проходят одним из лейтмотивов. Из ирландских политических деятелей упоминаются уже известные по второму эпизоду О'Коннел («Ряд О'Коннела» и др.) и Парнелл; «день плюща» — годовщина смерти Парнелла. Роберт Эммет, упоминаемый в конце эпизода («Роберта Эммета хоронили здесь при свете факелов»), в 1803 году поднял против английского владычества восстание, окончившееся неудачей; в том же году он был повешен; его друзья тайно, ночью, похоронили его в Гласневине.

М-р Блум любит, хотя бы перед самим собой, похвастаться своей культурностью; он даже знает латинские цитаты и умеет при случае довольно остроумно перефразировать их: habeat corpus вместо habeas corpus («имеешь тело») — английский юридический термин, обозначающий неприкосновенность личности (аналогичная перефразировка: «дом ирландца его гроб» вместо «дом англичанина его крепость»). Это не мешает ему, однако, проявлять большое невежество. Когда он говорит о чем-нибудь «научном», обычная его формула — «кровеносный сосуд или еще что-то», «клетки, или как их там». Вспоминая исторический анекдот о древнегреческом художнике, нарисовавшем мальчика с корзиной фруктов так правдоподобно, что птицы слетались клевать плоды, он путает имя художника, называя его не Апеллес, а Аполлон.

Основная тема эпизода — смерть. Но в сознании сборщика об'явлений, типичного мелкого буржуа, Блума, даже эта тема сплетается с мыслями о коммерческой выгоде. В его голове роятся прожекты: доставлять покойников для скорости в трамвае, хоронить их для экономии места стоя, возить всех на одном и том же катафалке, сваливать в одну кучу, провести в гроба электричество и телефон; последнее, впрочем, не ради выгоды, а из человеколюбия, — чтобы не похоронить по ошибке живого человека.